

АЛЕКСЕЙ ГАЛАХОВ

ЛЕРМОНТОВ

Алексей Галахов
Лермонтов

«Public Domain»

1858

Галахов А. Д.

Лермонтов / А. Д. Галахов — «Public Domain», 1858

«...Я желаю войти в рассмотрение вопроса, слегка затронутого Шестовым, и по возможности определить, в чем заключается направление поэзии Лермонтова, как оно выразилось, и откуда оно взялось. Поэтическая деятельность объясняется теми же самыми предметами, которые входят в сферу всякой другой деятельности, как её основные элементы. Таких элементов три. На первом плане стоит личность деятеля, со всею её обстановкой, внутреннею и внешнею, от наклонностей природы до положения в свете. Второе место занимает современное поэту состояние того общества, которого он необходимый член, от которого получает непосредственное влияние, и на которое сам более или менее действует...»

© Галахов А. Д., 1858

© Public Domain, 1858

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алексей Галахов Лермонтов

(г. Я. Буслаеву).

I

В №№ 10 и 41 нашего журнала за 1857 год помещен разбор трех драм Лермонтова: *Испанцы*, *Странный человек* и *Два брата*. Написанные в 1830-31 годах, они принадлежат к первым опытам поэта, преждевременно похищенного роковой смертью, и потому справедливо названы его «юношескими произведениями». Излагая содержание первого из них (*Испанцы*), покойный С. Д. Шестаков коснулся сущности идеала, который под разными именами, но всегда один и тот же, является в повестях, поэмах и драмах Лермонтова. В этой мимоходной, так сказать, заметке, высказано понятие о характере того направления, которому постоянно и с такою энергиею следовал автор *Героя нашего времени*. Вот слова Шестакова:

«Не станем поднимать вопроса о том, откуда взялось в нашем поэте это направление: самобытно ли оно зародилось в его собственной душе, или пришло от кого-нибудь, заимствованное от другого, родственного, но чуждого ему гения. Мы стали бы во всяком случае утверждать первое. Мы не можем допустить чуждого влияния, если в собственной душе нашей нет никакого к нему приготовления. Если мы знаем, что направление одного писателя бывает сходно с направлением другого, то это не значит еще непременно, что одно направление порождает другое, и что последнее вышло из первого; но значит только, что оба писателя родились с одинаковым направлением, с одними и теми же стремлениями. К одному направлению принадлежат те писатели, которые, следуя одним и тем же стремлениям, вносят в то же время нечто самобытное, каждый свое особенное, ему одному принадлежащее. Даровитый писатель не может быть слепым подражателем другого, хотя бы и гениального писателя: они могут только принадлежать к одному направлению.»
(*Русский Вестник* 1857 г. № 10, стр. 262.)

Я желаю войти в рассмотрение вопроса, слегка затронутого Шестовым, и по возможности определить, в чем заключается направление поэзии Лермонтова, как оно выразилось, и откуда оно взялось.

Поэтическая деятельность объясняется теми же самыми предметами, которые входят в сферу всякой другой деятельности, как её основные элементы. Таких элементов три. На первом плане стоит личность деятеля, со всею её обстановкой, внутреннею и внешнею, от наклонностей природы до положения в свете. Второе место занимает современное поэту состояние того общества, которого он необходимый член, от которого получает непосредственное влияние, и на которое сам более или менее действует. Наконец третьим условием развития поэта служит умственное и нравственное настроение всей европейской жизни, задающее тон каждому отдельному народу, особенно такому, для которого, по многим историческим причинам, период заимствований, подражательности сохраняет еще несомненную значительность и силу. Указанные элементы можно уподобить концентрическим кругам, у которых средоточие одно — поэтическая деятельность, но которых окружности не одинаковы по величине своей. Откуда бы ни начали мы осматривать предмет нашего наблюдения, из ближайшего ли к нему или из отдаленнейшего от него круга, результат выйдет один и тот же: освещенная определенная деятель-

ность поэта. исследование, правильно произведенное, покажет, каким образом развитие общеевропейской и народной жизни, вместе с развитием личности поэта, обусловило характер его деятельности; и наоборот, разумное знакомство с характером поэтической деятельности определит, как именно отразились на ней все три действующие элемента, личный, национальный и общеевропейский. Отражение бывает иногда так ярко, что история сочинений раскрывает вместе историю того времени, в которое они явились. Ломени, биограф и критик Бомарше, имел право назвать свою книгу «*Beaumarchais et son temps*».

Прежде суждения о факте, нам нужно ясное представление факта: необходимо, по самым сочинениям Лермонтова, познакомиться с его идеалом. При этом непосредственном, личном, так сказать, знакомстве мы соберем воедино рассеянные в повестях и драмах типические черты героя, как представителя направления, отличающего поэзию Лермонтова. Для достижения нашей цели нет надобности держаться хронологического порядка пьес. Это и не возможно, потому что не известна в точности последовательность их появления; и не интересно, потому что в нашем намерении интерес сосредоточивается на представлении идеала, которого большая или меньшая сила не всегда находится в прямом отношении к позднему или начальному периоду поэтической деятельности. Необходимая в том случае, когда дело идет о постоянном развитии авторского таланта, хронология теряет свою особенную важность, когда критика полагает своею задачею – определить направление поэта. Направление может сказаться при первом дебюте так же ясно и сильно, как и в последнем слове, иногда даже сильнее и определительнее. Часто меняется оно с возрастающими успехами автора: в дальнейшем пути своем он оставляет те идеи, за которые так усердно подвизался при начале поприща. Наконец, в направлении совершаются не редко счастливые или несчастные возвраты к прежнему: царство ума, на ряду с ренегатами, имеет и блудных сыновей, с покаянием возвращающихся в отеческий дом; мысль, после долгого и извилистого течения, приближается снова к местам родного истока, как бы жалея, что расставалась с ними так надолго и так напрасно.

Если же ясность и живость направления не зависят от времени, когда появлялись поэтические произведения, то полнота и точность библиографических данных стоят в стороне, как предметы побочные, нужные для комментария и справок, а не для оснований исследованию. В поэтической деятельности Лермонтова, которую мы именно и рассмотрим относительно её содержания, можно отправиться из какого угодно пункта, но придешь непременно к одному и тому же выводу.

Направление мыслей Лермонтова, его взгляд на людей и природу, его мирозерцание выразилось прежде всего и преимущественно в объективной поэзии – в характере возданных им лиц, или, вернее, одного лица, постоянного героя его поэм, повестей и драм. К ним и должны мы обратиться.

Во втором отрывке из неконченных повестей является на сцену Александр Сергеевич Арбенин, десятилетний мальчик. Описание его душевных и телесных свойств показывает, какой человек долженствовал выйти из такого дитяти. Характер Саши чрезвычайно замечателен: природа, вместе с железным телосложением, дала ему склонность к разрушению, страстные порывы к беспокойству и тревоге. Рассказ раболепной дворни о разбойниках наполнили его воображение картинами мрачными, понятиями противообщественными. Шести лет он уже мечтал, заглядываясь на красоты природы: он любил смотреть на закат, усеянный румянными облаками, и непонятно-сладостное чувство волновало его душу, когда полный месяц светил в окно в его детскую кроватку. Герой поэмы: *Измаил-Бек*, разделял с Арбениным ту же склонность:

Еще ребенком он добил
Природы дикой пышные картины,
Разлив зари и льдистые вершины,

Блестящие на небе голубок.

Глубокое сочувствие к миру физическому, составляя неотъемлемую принадлежность подобных людей, как бы вознаграждает их за то, что они немногому сочувствуют в мире человеческом. Семи лет Саша выказывал повелительность, гордость и презрение. Долговременный и опасный недуг развил в нем душевную крепость: он привык побеждать страдания тела грезами и мыслями. То же самое видим в шестилетнем Мцыри: мучительная болезнь «развила в нем могучий дух его отцов». Еслиб, говорит он в своем рассказе Чернецу,

.....Хоть минутный крик
Мне изменил – клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык:

слова, повторенные Арсением игумену (в поэме *Боярин Орша*):

И если хоть минутный крик
Изменит мне.... тогда, старик,
Я вырву слабый мой язык.

Таким образом под разными именами – Арбенина, Измаила-Бея, Мцыри, выступают перед нами черты одного и того же лица, еще в первом детском периоде его жизни. Дальнейший анализ покажет, что черты эти нисколько не изменились и в других возрастах, при увеличившемся числе типов, созданных Лермонтовым.

Отрывок, о котором говорим мы, знакомит читателя с детскими годами Арбенина. Что именно вышло бы из него дальше – неизвестно: повесть только что начата. Автор называет его «чудаком», по редкости страстных людей, каким был Арбенин, в Вашем равнодушном веке. И действительно, он оказался таким в двух драмах: *Странный человек* и *Маскарад*. Обе они имеют главным лицом – Арбенина, хотя и с переменою его имени; обе, характером этого лица, убеждают, что в них идет дело о том самом человеке, который в отрывке назван Сашей. Первая пьеса изображает юношу Арбенина, вторая – Арбенина мужа. Самое заглавие драмы (*Странный человек*) дает уразуметь тождество главного действующего лица её, Виктора Павловича, с *чудаком* Александром Сергеевичем. К той же мысли склоняют и заключительные слова пьесы, произнесенные одним из гостей в доме графа N: «ваш Арбенин не великий человек; он был *странный человек*, вот и все». Можно предположить с достоверностью, что Лермонтов долго вынашивал в уме своем любимый образ, пытаясь нарисовать его в разных поэтическим Формам – и эпической, и драматической.

Сходство между романтической драмой *Странный человек* и отрывком из повести заключается как в характерах паевых действующих лиц, так и в одном внешнем обстоятельстве – в разрыве между родителями этих лиц: там и здесь Арбенин, рано лишенный ласки матери, остался на руках отца, сурового и холодного, не занимавшегося его воспитанием. Признавая всю силу впечатления, какое способно произвести подобное событие в семейной жизни, мы не можем однако ж объяснить им одним ни всех действий молодого Арбенина, ни всех сторон его характера. Попытки оправдать рационально те явления, которыми он так странно и большею частию так неприятно сталкивается с окружающими его людьми, будут необходимо искусственны. Может-быть, разбор других позднейших сочинений Лермонтова разъяснит дело; но драма *Странный человек* не допускает определительного разъяснения. Нельзя основаться на одном данном, особенно если оно юношеское произведение; нельзя тем более, что из драмы гадам, и то смутно, что такое Арбенин, но нисколько не видим, почему он именно таков и почему долженствовал быть таим. И от кого же, в самом деле, могли бы мы узнать об

этом? От второстепенных лиц? Но их отзывы так неопределительны! Они говорят о фактах, а не о причинах: «ум язвительный и вместе глубокий, желания, не знающие какой преграды, и переменчивость склонностей»; «переходы от веселья в грусти и от грусти к веселью – вещь обыкновенная в Арбенине»; «он сам не знает, чего хочет». От самого героя? Но он также не откровенен. Его исповедь прорывается краткими и общими выходками; прямого, резко отличительного в ней нет. В одном из лирических стихотворений своих (которые Заруцкий читал Рябинову), Арбенин говорит, что «он *проклят* строгою *судьбой*»; помогая бедному мужику, он замечает, в разговоре с Белинским, что «несчастье мужиков ничего не значит в сравнении с несчастьем многих других людей, которых *преследует судьба*». Везде судьба, как неведомая, враждебная какая-то сила, или природа, которая, наделив человека известными, неизменными наклонностями, играет также роль судьбы. Конечно, к этим двум предметам можно отнести все: они так сильны, что выдержат какие угодно тяжести, и так верховны, что приговор их не допускает апелляции. Ими, как подставными силами, заменяется любое объяснение, которого не находим в жизненной самостоятельности разумного существа, в его семейном и общественном положении, во всем, отчего познается человек, и нем он оправдывается или осуждается.

Немного больше объяснительных данных и в драме: *Маскарад*, которая принадлежит тоже к числу начальных произведений Лермонтова. Большею частью дело держится на анатомия характера и не вступает в анализ отправления, которыми обнаруживается жизненная деятельность. А между тем физиология была бы здесь нужна особенно герой драмы ведет процесс между собою и светом; зрителю или читателю необходимо выслушать истца в подробности, чтобы произнести свое решение, или пусть он сам, этот истец, примет на себя обязанность адвоката, от которой требуется не только изложения фактов, но и суждения о фактах. Арбенин в третий раз является здесь главным лицом, под именем Евгения Александровича. Можно допустить пожалуй, что это сын Александра Сергеевича, которого детство описано в отрывке, – и тогда он наследовал все существенные качества отца. Но вероятнее будет предположение, что это тот же Саша, из ребенка ставший мужем. Как в повести, Лермонтов задумывал рассказать историю Александра Сергеевича Арбенина, «которого *судьба* (опять *судьба!*), как нарочно, поставила пред непонятною женщиной»; как в драме *человек*, Владимир Павлович Арбенин сведен с девушкой, которая не была бы с ним счастлива и ему не доставила бы счастья: так в новой драме *Маскарад* изображена трагическая судьба Евгения Александровича Арбенина и жены его Нины. Кроме фамилии главного лица, есть и другое внешнее соприкосновение между обеими драмами *Странный человек* и *Маскарад*, обе они разделены на сцены и выходы, вместо обычного деления на явления. Но существенное дело не в наружном, а внутреннем сходстве, не в одноименности лиц, а в однородности их характеров, на что мы и обратим внимание, как на главный предмет нашей статьи.

Характеры же действительно однородны, с тем однако различием, что не одни уже наклонности природы властвуют над Арбениным, ной тяжкий, долгий опыт жизни, о котором узнаем из разговора его с женой.

.....Я все видел,
Все перечувствовал, все понял, все узнал;
Любил я часто, чаще ненавидел,
И более всего страдал.
Сначала все хотел, потом все презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья.
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастья земли

Страдания, которым подвергалась грудь Арбенина, были так многочисленны и велики, что он сам удивляется, как мог он после того оставаться в живых. Если он вынес их, то этим обязан единственно могучим силам своего духа и тела. Юность его прошла в безумных и напрасных волнениях: странствиях, азартной игре, ветренности и трудах; коварство любви и дружбы, измена всех обольщений света были постигнуты им вполне. Он сделался молчалив, суров и угрюм. Сердце его погрузилось в спокойствие! из которого он желал бы выйти хотя искусственным волнением крови: его радуют случаи, наполняющие ум и кровь неожиданною тревогою. Душа его, мрачная и глубокая, подобна могиле: принятое ею однажды остается в ней навсегда. Наконец душа эта исполнена неимоверной гордости: ни перед кем, ни перед чем не преклонялась она, никому не завидовала, ни в ком не принимала участия; все ей чужды, и она всем чужая. Сила разочарования, апатии, равняется в ней только силе эгоизма. Холодно закрыв свои объятия для чувств и блаженства, Арбенин не хочет даже благодарности. Бурная природа его безжалостно сокрушает все попадающееся ей на пути, и с гордым презрением смотрит на развалины.

Однакож в этом человеке, все испытавшем и презирающем, от всего скучающем, смотрящем на жизнь как на бремя, таится еще огонь жизни. Черствая кора может спадать с его сердца, и тогда снова открывается глазам его прекрасный мир. Душа моя, говорит Арбенин, подобна застывшей лаве, твердой как камень, пока не растопится; но горе тому, кто встретится с её потоком! Ту же мысль, только облеченную в другие два сравнения, высказывает Измаиль-Бей: «чувства, страсти – темная поверхность моря, которую преждевременный холод покрывает ледяною корой до первой бури; они таятся глубоко в сердце, как лев в пещере, но сердце не избежит их власти», потому прибавим мы, что эта власть роковая. И взгляд на жизнь, которая довела обоих героев до безотрадного состояния, одинаков у того и другого. Жизнь, по мнению Арбенина, известная шарада, годная для детского упражнения, где первое – рождение, второе – ряд забот и тайных мучений, последнее – смерть, а целое – обман. Жизнь, повторяет за ним Измаил-Бей, есть ряд взаимных измен; и радость и печаль её – ложный призрак; память о добре и зле равно ядовиты: зло льстить человеку, но более тревожит, а добро не в силах принести сердечную отраду; сердце, покорствуя страстям, оставляет нам одно только раскаяние.

Но это временное пробуждение для жизни пугает Арбенина. Он с ужасом отступает, почувствовав, что в мертвой душе его, когда он женился на Нине, опять возникла любовь, что он снова, как изломанный челнок, брошен в море. Неожиданное оживление, он это предвидит, не на радость ни яму, ни другим: пристань будет бурная в темных силах его духа. Новых и может-быть многих жертв потребует лукавое обольщение сердца, которое идет наперекор неизбежной судьбе героя.

Так гибельны следствия жизни Арбенина, так горек плод испытанных им страданий, и не один, а многие плоды.

Но в чем же заключались эти страдания, и какова именно была эта жизнь?

К сожалению, и здесь вопрос не допускает положительного ответа. Мы по-прежнему остаемся в сомнении и темноте, которой не освещают ни сам Арбенин, ни действующие с ним лица. Несомненно лишь одно присутствие роковой силы, которая, подобно древней судьбе Греков, покорных ведет за собой, непокорных влечет. Последние подчиняются ей невольно, при всем могуществе гордого сопротивления. Они не склоняются перед ней духом; но торжество её над новыми Прометеями очевидно из того, что она приковывает их к скале страданий. Арбенин чувствует и сознает господство Фанатизма над своею жизнью. Он говорит:

На жизни я своей узнал *печать проклятья*.

Что значат слова эти, как не признание могущества, или внутри нас пребывающего, или вне нас лежащего, но в обоих случаях независимого? Существенным отличием Эврипидовых трагедий полагают то, что они низвели судьбу с неба в сердце человека, которого страсти есть тоже своего рода *fatum*. Не играют ли и здесь, в сердце героев Лермонтова, такой же Фаталистической роли обуревающие их страсти? Судьба виновата, соединив, в лице Нины, неопытность, невинность и непосредственное чувство, с таким лицом, как Арбенин, муж разочарования, апатии и горького знания. «Оковы одной *судьбы* связали нас навсегда», говорит он Нине, и конечно эти слова не могли утешить ни жену его, ни его самого. Другие слова Арбенина:

Сначала все хотел, потом все презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал,

не более, как перифраз отзыва княжны Софьи о молодом Арбенине (в драме *Странный человек*): «он сам не знает, чего хочет.»

Мы уже заметили, и теперь повторим тоже самое, что в роковой силе, наложившей свою железную руку на такого железного человека, каков Арбенин, природным его склонностям дано широкое место и великое значение. Послушайте, как описывает его Казарин:

Женился и богат, стал человек солидный,
Глядит ягненокком, а право тот же зверь.
Мне скажут можно отучиться,
Природу победить? Дурак, кто говорит:
Пусть ангелом и притворится,
А чорт-то все в душе сидит.

Когда в последнем акте драмы выходит на сцену «Неизвестный», эта как бы олицетворенная совесть Арбенина, напоминающая ему прошлые, за семь лет до того случившиеся события, или, по выражению самого Арбенина, «грехи минувших дней», что слышим мы от него? Мы слышим упреки в мрачных, роковых свойствах души его:

...В твоей груди уж крылся этот холод.
То адское презренье ко всему,
Которым ты гордился всюду.
Не знаю, *приписать* его к *уму*
Иль к обстоятельствам – я разбирать не буду
Твоей души, – *ее поймет лишь Бог.*

Эти два элемента, управляющие течением жизни Арбенина, внешняя судьба и личная природа, весьма значительны. Та и другая имеют значение роковой силы, и в своем влиянии на казненную обстановку героя до того сливаются, что трудно положить между ними какие-либо границы: судьба служит как бы второю природой, которой избежать невозможно, и природа восходит на высоту судьбы, от которой также нет спасения. Присущие ему естественные силы и господствующая над ним сила сверхъестественная образуют ту сферу Фатализма, в которой вращаются герои Лермонтова, и в которую веровал сам Лермонтов. Нельзя, без пособия этих элементов, объяснять такой характер, каков Арбенин; еще менее можно оправдать его, если нравственным судом потребуется он к допросу и ответу. Страданиями очищается человек, чтобы ни было их причиною, сам ли он или другие люди и обстоятельства; но затруднение в том, что читатель видит только указание голого факта, то-есть страданий, и при том отвлече-

ченное, выраженное общими признаками, но не видит причин и побуждений, объясняющих факт. Главными побуждениями пребывают, как и прежде, природа и судьба, не подлежащие людской расправ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.